

ВСМАТРИВАЯСЬ В ЧУЖОЮ ЖИЗНЬ

Заметки о зарубежных пьесах на московской сцене

На протяжении последних двадцати, а то и более лет один из «классических» вопросов «на засыпку» советским деятелям театра во время международных встреч неизменно звучал так: «А почему у вас не ставят пьесы Ионеску и Беккета?». Прямо скажу, сама формулировка этого вопроса кажется забавной. А если бы мы ставили в последние двадцать лет Беккета и Ионеску, означало ли это, что у нас все в порядке с театром и прочими гуманитарными институтами? И сегодня, когда на московских сценах впервые появились их имена, можем ли утверждать, что театр в полном расцвете? Непредвзятый взгляд на современную мировую культуру обнаружил множество значительных страхов и бессмысленности, созданных «защитных щитов», которые только подготавливают беспечную акадмичность в театральной среде, доказав идеальную зрелость советского театра.

Но тем не менее определиться стоит. В отличие от Беккета, активного участника французского Сопролетания, человека, во всем значащего в пропагандистских антисоветских шоу, Ионеску периодически и довольно активно вносил свою лепту в антисоветскую и антисоциалистическую историю, которая — увы! — перекликается по французской печати и общественной жизни. Но пьесы обоих этих писателей, почти три десятилетия назад признанных литературными мастерами, проходили сквозь трагические катаклизмы человеческого бытия в буржуазном мире. Можно и нужно спорить с универсальностными воззрениями этих драматургов, которые полагают, что пишут о «человеке вообще», вне зависимости от социума, в котором он существует. Не стоит труда доказывать, что они опираются на свой личный опыт, который укоренен в западном бытии и бытии. Как талантливые художники, они добиваются в отражении этого бытия немалых успехов. Московские спектакли обнаруживают принадлежность этой драматургии театральной традиции и, что даже более важно, не подпадают под интерпретацию с ними, чем у Ионеску и Беккета, идеологических позиций.

Именно так, заново против текста, играют А. Левинский, А. Боводия, Г. Богданов и О. Севастьянов в спектакле «В ожидании Годо» С. Беккета, поставленном А. Левинским лет

684
Миллер

пять, тому назад. В нынешнем сезоне он, что называется, спустился с небес на землю — из репетиционного зала Театра сатиры на шестом этаже, где мы видели его впервые как лабораторную работу, на сцену Театра имени М. Н. Ермоловой. В спектакле появились новые черты, нюансы, акценты. Артисты тонко чувствуют движущие времена; трагикомическое ожидание неведомого Годо, который, если бы придет, то наполнит жизнь смыслом и прошлком, сегодня как бы обрело новую содержательность — всем отчетливо ясно, что никто не придет и никто не найдет, кроме нас самих.

И в «Стульях» Э. Ионеску, которые сыграли были А. Зайцевым довольно давно, а в нынешнем сезоне в постановке А. Товстоногова обрели законность и «правоту» на сцене Театра имени К. С. Станиславского, время обнаружилось новые смыслы и упростило прежние открытия. Матера игры А. Зайцева, изуродованного артиста, в «Стульях» кажется изжаловенно-психологизированной. Артист по-прежнему скрывает себя, чтобы доказать саму правоту существования этого спектакля на подмостках, но в подлинных доказательствах, похуже, никто уже не нуждается.

«Последняя лопта Краша» С. Беккета в версии Г. Вортникова как бы предполагает никакой сиюминутной коррентности. Спектакль словно ларгет над временем и пространством в оросе «творческих побед актера, который импортировал в пьесу фрагменты собственной биографии, реальной и сочиненной. Г. Вортников играет драму человека, оплакивающего ускользающую юность, которую нельзя сохранить даже в руках маффинотной пленки. При этом он как бы деконструирует свою игру, даря ее нам вместе с особенной своей личностью. Приязнаю, мне чудно эта исполнителская манера, граничащая с матерностью, но обособленность существования Г. Вортникова в сегодняшнем театре, его неповторимость словно бы делают ее законной.

«Случай в Випии» А. Миллера в «Современном» оказался удивительно спектаклем из-за самой истории своего появления на свет. Это единственный на сегодняшний день театральная работа, что называется, «снятая с полки». Где она «пролежала» без малого двадцать лет.

Широкая публика так и не увидела в конце 80-х годов этот спектакль, поставленный М. Худяковым вместе с «современниками» первого приезда. Сегодня в большинстве своем играют другие артисты, ощущающие, что им приходится входить в некогда сочиненный спектакль, но осмысленность трагической позиции оцущена не только у И. Краши, В. Никуллина, Г. Фролова, нынепрех кордебас этой труппы. Для всех участников «Случай в Випии» — история о том, как в процессе «расовой совести», проповедной фанатизма на кве Франции, рождается чувство интернационализма и самоощерствования — это поступок. Поступок вынужден и в нашей современной действительности, когда естественное и важное чувство национального достоинства пытаются распалить до вашионализма и шовинизма. Хотя не без удивления поучствовал во время спектакля, что работе этой недостает активности сверхзадачи, что артисты слишком заботятся о создании собственного образа, нежели о «списке характеров». Пьеса таит в себе потрясающий спектакль сегодня вызывает лишь чувство уважения.

В ядро прожектюшем нынешнем сезоне все названные спектакли, бесспорно, вызвали определенный зрительский интерес, но по существу они как бы и не являются (за исключением «Последней лопты Краша») событиями именно сегодняшнего дня. Нынешний сезон представлял давним работам «права гражданства» — даю знать о себе новое политическое мышление в области культуры. Пожалуй, лишь «Костюмер» Р. Харвуда, увидевший свет в Театре имени М. Н. Ермоловой, принадлежит к числу новинки западной драмы, которую сегодня можно увидеть не только в Москве и Лондоне, но и в Варшаве, Нью-Йорке или Сиднее. Эта пьеса о любви-ненависти двух людей театра, провинциального трагика (В. Яну) и его костюмера (З. Геррт), который для него и языка, и слуга. Но этим взаимоотношениями не исчерпывается сюжет драмы. Р. Харвуд размышляет в ней не только о проблемах внутритеатральных, но и о том, что искусство способно противостоять варварству, фальшаму, насилию. «Король Нильс», которого играют по ходу пьесы, не может остановить обмелек, но

он способен возвысить людей к тем самым противостоят злу. Режиссер Е. Арье и художник Д. Крымов создали емкий образ театра, мифурный и пленяющий блеск расы и темные бедны замудился. Этот образ все-таки лишь отчасти был поддержан двумя замечательными артистами их игра, пожалуй, пока слишком монотонна, недостаточна обострена. Возможно, это придет позже, когда спектакль обыгрывается вполне.

Вообще во взаимоотношениях с зарубежной драматургией нынешний сезон обнаружил прежде всего апожество профессиональных проблем. С мировоззрением вроде все в порядке. Носильно хуже с владением ремеслом. Обнаружилось, что наши артисты, даже неколассные, забывают о некоторых секретах. Например, то, как читать, вернее, как играть монолог. Причем в одном из самых элегантных и театральных спектаклей сезона «Нарманном театре» Ж. Кокто (Пр. Горин активно и тонко объединил одностопные пестры на), где составляли человеческому одиночеству во окружении горькими тонами веселую по первый взгляд театральную игру. Режиссер П. Штейн на Малой сцене Театра имени Ленинского комсомола продемонстрировал отточенное постановочное мастерство и волю, создавая для зроста спектакля «звезда» труппы — Е. Шанину, И. Ашерову, О. Янковского, А. Абдулова, А. Збруева. Но, пожалуй, лишь А. Збруеву и Е. Шаниной удалось до конца справиться с виртуозным текстом Кокто и с иронико-психологическим котом режиссера. Для остальных этот спектакль стал прежде всего немким бесконечно важным «институтом повхищения квалификация». Схожие чувства вызвал и спектакль «Орфейль Алуа в постановке С. Юрского в Театре имени Моссовета — истинное подматие стилей существует лишь у самого режиссера, исполняющего заглавную роль Поэта.

И «Штучное равновесие» Э. Олиба, поставленное в Малом зале Театра имени М. Н. Ермоловой, кажется скорее школой актерского искусства, где один словно открываю свой неграстрированный дар (В. Маченко — Тоби), другие демонстрируют мастерство и талант, пода-

ни не востребованные (О. Фомичева — Элла и Е. Уралова — Агнес), третья совершенствуют свой профессиональный аппарат (Н. Архангельская — Клер и А. Пашутин — Гарри). Этот спектакль, поставленный В. Саломоном в традициях бытовой драмы, временами кажется прямолинейно вынуженным. Пьеса же Э. Олиба погружает в бедны страхи и неуверенности, когда решение элементарных нравственных вопросов требует чуть ли не подлата. Вне этой атмосферы мучения героя кажется просто страшными. Но вовсе не стоит ставить под сомнение необходимость этой работы, она нужна и артистам, и зрителям, тосцишимся в зале, куда вмещается всего поместить студий.

На одна из переводных пьес, поставленных в нынешнем сезоне на московских подмостках, не вызывает сопротивления — это настоящая литература, которую надо было сыграть артистам и надо было показать зрителям. Литература, всякий раз по-своему раскрывающая драму человека в западном мире, не лишая при этом общегуманитарных проблем. Но, по моему, сегодня мало парос «заполнения белых пятен в афише, мало того, что театры, работая над переводной драматургией, решают собственные внутренние проблемы. Сегодня не составят труда познаться с самыми новыми пьесами английского репертуара: на наши театры словно не замечают их. Логика режиссуры приблизительно такова: если играть антинационализм — то Б. Шоу, если французы — то Алуа. Крайне мало ставят произведения драматургов из социалистических стран. Не идет А. Фугард, один из самых значительных сегодня западных драматургов, плохо знают социальное острое пьесы В. Харвуда, мало знакомы с драматургией сорокалетних американцев, французюв, итальянских». При том, что советский театр более широко открыт мировой драматургии, нежели театр любой другой страны, отсутствие самых последних драматургических новинк ошущию — в них сегодешний нерв и ритм, сегодешняя жизнь, которая нервно важнее для зрителя, чем решение общекультурных и циклопрофессиональных задач. В конце концов мы всматриваемся в чужую жизнь, чтобы увидеть в ней и свою, чтобы познать себя, приобщившись к страданиям или радостям других людей, наших современников, живущих на одной с нами планете.

Во время, когда вырабатывается новое политическое мышление, необходима и новое качество осмысления зарубежной литературы, новый уровень взаимоотношений с культурой и человечности в мире, раздираемом противоречиями, обремененном бесчисленными заботами, тревогами, но одновременно полным надежд.

М. ШВЫДКОЙ.